

Caucasian Regional Studies

The International Association For Caucasian Regional Studies
Law Politics Sociology Economics Modern History International Relations

Caucasian Regional Studies, Vol. 4, Issue 1, 1999

ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Ахмет Ярлыкапов*

Северный Кавказ принадлежит к тем регионам, научный интерес к которым всегда был достаточно высоким. Это объясняется массой факторов, видное место среди которых безусловно занимает высокая концентрация различных народов и культур на сравнительно небольшой территории.

Полиэтническое северокавказское общество было также традиционно поликонфессиональным. Наряду с местными языческими верованиями здесь в разные периоды истории получали значительное распространение христианство, иудаизм и ислам. В XVIII — XIX вв. безусловно доминирующей религией в регионе стал суннитский ислам. В первой половине — середине XIX в. ислам приобрел значение идейного знамени национально-освободительного движения северокавказских горцев, что способствовало его укоренению в их сознании, которое до этого было зачастую лишь поверхностно исламизировано (за исключением жителей южного и центрального Дагестана). Исключение составляли лишь народы индоевропейской языковой семьи — осетины, среди которых преобладало (и преобладает) православие, и таты, северокавказская часть которых из-за преобладания среди них иудаизма, долгое время именовалась “горскими евреями”.

Накопленный к сегодняшнему дню материал позволяет подразделить северокавказский регион по степени религиозности на две области: Северо-Восточный Кавказ, включающий Дагестан, Чечню и Ингушетию, население которых традиционно более религиозно, и Северо-Западный Кавказ, объединяющий в основном адыгские и тюркские народы (кроме кумыков), среди которых ислам не укоренился столь сильно, как у восточных соседей. В первой из выделенных областей также большое распространение получил суфизм в виде накшбандийской, кадирийской и, в последние годы, шазилийской ветвей. Во второй же области суфизм так и не

укоренился. Эти особенности позже сыграли большую роль в судьбах ислама на Кавказе в годы Советской власти: Дагестан и Чечено-Ингушетия, особенно горные их районы, никогда не прерывали традиций исламской учености и мусульманского ритуала (недаром в 1944 году, когда было создано Духовное управление мусульман Северного Кавказа, его резиденцией был избран дагестанский город Буйнакск; все последующие годы его деятельность охватывала в основном территорию Дагестана и Чечено-Ингушетии); на Северо-Западном же Кавказе позиции ислама были сильно подорваны.

Соответственно и религиозный подъем, начавшийся со времен перестройки, протекал совершенно различно в двух указанных областях. Если на Северо-Западном Кавказе это было истинное воссоздание полузабытой религии, то в Дагестане и Чечено-Ингушетии это было скорее выходом из “полудремотного” состояния и распространением никогда не прерывавшихся традиций, нежели их возрождением.

Процессы религиозного возрождения играют огромную роль в жизни народов, населявших некогда единый Советский Союз. Ислам, будучи второй по количеству приверженцев религией в пределах Российской Федерации, оказался в гуще происходивших с тех пор в стране интереснейших и противоречивых событий. Ислам не разделяет жизнь на светскую и духовную стороны; в этом причина его активности и влияния на ход политических событий на Северном Кавказе. Понятия “исламское” и “народное” тесно переплетены в сознании мусульман; в годы советского атеизма люди продолжали придерживаться исламских обычаев и обрядов, понимая их как народные, а не религиозные.

Перечисленные факторы показывают нам важность знания и понимания того, что происходит в религиозной сфере, поскольку это способно оказать большую помощь в изучении современных процессов, которые влекут за собой заметные перемены во многих областях жизни людей. Особенно сложная и тревожная обстановка сложилась на Северном Кавказе. Здесь традиционно распространены два крупных мазхаба (толка) суннитского ислама — ханафитский и шафиитский, различные суфийские ордены, небольшие общины шиитов (главным образом в южном Дагестане). В последние годы на пестрой конфессиональной карте Северного Кавказа появились районы, охваченные последователями фундаменталистских течений, объединенных общим названием “ваххабиты”. Их рассмотрению и будет посвящена настоящая статья.

Понятие “исламский фундаментализм” стараниями средств массовой информации настолько крепко засело в сознании российского (и не только российского) обывателя, что он, видимо, уже и представить себе не может, что фундаментализм может быть и иным. Само это понятие появилось в начале XX века в связи с движением радикальных протестантов, направленным против рационализма и модернизма (1). Подобные течения есть в иудаизме, а также в таких немонотеистических религиях, как индуизм, где раздаются призывы к возрождению никогда не имевшего места в истории чистого,

беспримесного индуизма (“хиндутвы”) (2). Справедливости ради надо отметить все же, что исламский фундаментализм проявляет себя с наибольшим размахом и организованностью; причины этого кроются во многом в особенностях ислама, являющегося не только религией, но и образом жизни, которые легко превращают его в один из факторов политической игры на самых разных уровнях.

Исламский фундаментализм — это течение, которое требует возврата к первоначальному исламу в том виде, в каком он существовал при Пророке и его первых преемниках (3). Основу его должны составить только Коран и Сунна Пророка; большинство из того, что было достигнуто мусульманской мыслью при помощи привлечения других источников и включено в жизнь исламской общины (как в области веры, так и в повседневной жизни), объявляется недозволенными новшествами и категорически отвергается. Следует особо подчеркнуть, что исламский фундаментализм не является порождением XX века, как это может показаться неискушенному современному наблюдателю. Это течение мысли имеет давнюю историю и даже особое обозначение в исламе: тех, кто придерживается фундаменталистских взглядов, именуют салафитами (ас-салафийа) (4). В суннитском исламе выразителем фундаменталистских взглядов стал один из четырех толков — ханбалитский мазхаб (собственно он и оформился вначале как религиозно-политическое фундаменталистское движение в IX в., лишь затем преобразовавшись в догматико-правовую школу в начале XI в.) (5). Позднее, в XVIII в. Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, основываясь на ханбалитской идеологии разработал собственное учение, которое по сей день остается самой последовательной и наиболее организованной формой исламского фундаментализма.

Несмотря на то, что фундаментализм широко распространился на Северном Кавказе после начала перестройки, к началу 1990-х годов, появился он здесь еще в 70-х годах XX века (6). По мере ослабления государственного контроля над религией, а затем и полного его исчезновения, фундаменталисты разворачивали все более активную миссионерскую деятельность. Примечательно, что наибольшую активность здесь проявили ваххабиты — последователи религиозно-политического учения, разработанного Мухаммедом ибн Абд аль-Ваххабом и являющегося сегодня официальной идеологией Саудовской Аравии. Рынок, испытывавший огромный дефицит грамотной религиозной литературы, был моментально заполнен прекрасно написанной и изданной ваххабитской продукцией. Издательство находилось в печально известном дагестанском селе Первомайское; называется оно по имени родины духовного лидера дагестанских ваххабитов муллы Багаутдина — “Сантлада”. Интересно, что фундаменталистские идеи нашли широкий отклик лишь в общинах аварских и даргинских переселенцев, да и то в пределах двух — Буйнакского и Кизилюртовского районов, а также в городе Астрахани. В горах ваххабитов поддерживали джамааты всего лишь двух аулов Цумадинского района — Сантлада и Тлондода, а также треть — аула Кванада. Сегодня роль центра ваххабизма не только в Дагестане, но и во всем Северном Кавказе, играет город Кизилюрт, где в одном только медресе проходят подготовку 700 человек (7).

Широко распространились фундаменталистские идеи под оболочкой ваххабизма также и в соседней Чечне. Этому способствовало установление дудаевского режима, взявшего курс на построение “исламского государства” (8). Покровителями ваххабитов в республике считаются такие видные чеченские политики, как Зелимхан Яндарбиев и Мовлади Удугов (9). Укреплению позиций ваххабизма в немалой степени способствовала война; в Чечню хлынули добровольцы из многих стран мусульманского мира, среди которых было немало людей с фундаменталистскими взглядами. Их лидером является полевой командир Хаттаб, ваххабит, чеченец из Иордании.

На этом фоне Северо-Западный Кавказ кажется островком спокойствия. Но это спокойствие лишь кажущееся. По сравнению с соседней областью, протекающие здесь процессы менее бурные, что, однако, вовсе не означает отсутствия деятельности ваххабитских проповедников. Благодаря их стараниям группы сторонников ваххабитского учения появились не только в национальных республиках, но и в местах компактного проживания мусульман в Ставропольском крае, в частности, в Нефтекумском районе (10). Некоторых причин относительно скромных успехов ваххабитов в этих краях мы еще коснемся, а пока отметим одну из них. В республиках Северо-Западного Кавказа умело поставлена контрпропаганда официальных исламских структур: за ваххабитскими проповедниками тут же выезжают муллы-традиционалисты, которые ведут с населением разъяснительную работу. Лучше откликаются на фундаменталистскую пропаганду представители двух репрессированных в сталинские годы этносов: карачаевцев и балкарцев. Среди карачаевцев действует партия исламистов, использующая традиционную исламскую символику.

Несмотря на большое число публикаций в средствах массовой информации, посвященных проблемам исламского фундаментализма на Северном Кавказе, полной ясности в этом вопросе все еще нет. Ученые, к сожалению, менее активны, чем журналисты, и пока на эту тему не появилось сколько-нибудь серьезной научной публикации. Постараемся расставить некоторые точки над “i” на основе доступных к сегодняшнему дню материалов.

Ваххабиты, обвиняя традиционный ислам в отходе от первоначального учения, в нововведениях (бида‘), отрицают многие обычаи и обряды, укоренившиеся в сознании людей как исламские. Так, запрещается чтение Корана на могиле или в доме усопшего, чтение талкына (наставления покойному) на похоронах, пользование четками и т.д (11). Не признавая особых качеств Пророка, ваххабиты выступают против празднования мавлида — дня рождения Мухаммеда. Особый объект нападок — это традиционный для Северо-Восточного Кавказа суфизм и тесно связанные с ним культ святых и зиярат (паломничество) к святыням, которые резко осуждаются как многобожие (ширк). Экстремизм ваххабитов порой доходит до того, что наиболее радикально настроенные из них не разрешают своим последователям общаться не только с иноверцами, но даже и с мусульманами-традиционалистами, запрещают посещать мечети, имамами которых являются муллы-традиционалисты.

Мусульмане, не приемлющие ваххабизма, обвиняются в идолопоклонстве. По этой причине случаются разлады в семьях, столкновения в мечетях. В мае 1997 г. мы стали свидетелями кровавых событий в дагестанских селах Карамахи и Чабанмахи, расколовшихся на две части из-за подобных разногласий (12).

В первую очередь бросается в глаза то, что фундаменталистские идеи распространились в основном в экологически и социально неблагополучных районах: Чечня, предгорные районы Дагестана. Основная ставка делается на молодежь, которая еще не успела интегрироваться в общинную жизнь своего джамаата, не восприняла в полной мере традиционную культуру или даже выражает протест против некоторых ее элементов. В ходе обучения большое внимание уделяется изучению арабского языка, Корана и хадисов на языке оригинала; тем самым неопитов основательно готовят к предстоящим дискуссиям. Не секрет, что фундаменталистская пропаганда получает солидную финансовую поддержку из-за рубежа. По этой причине довольно скоро дагестанцы окрестили ваххабизм “долларовым исламом” (13). А деньги — это немаловажный фактор в таких нищих республиках, как Чечня и Дагестан, тем более для молодых, только начинающих свой жизненный путь людей. То, что ваххабитские идеи находят отклик в первую очередь в среде выбившихся из системы традиционного общества, люмпенизированных, но зато полных сил и энергии молодых людей, а также крайний экстремизм самих идей, способный легко поднять этих людей на борьбу за достижение своих идеалов, говорит о несомненном дестабилизирующем потенциале ваххабизма на Северном Кавказе. Не стоит упускать из виду также и то, что территория наибольшего распространения ваххабизма является также территорией, где достать оружие — это не проблема, были бы только те самые доллары.

Однако уже сейчас становится ясно, что ваххабитские идеи в основном исчерпали возможности распространения среди населения северокавказских республик. Время стремительного роста ваххабитских рядов закончилось, ситуация стабилизировалась. И дело тут вовсе не в той откровенно враждебной позиции, которую заняло по отношению к ваххабитам официальное руководство Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД) и других муфтиятов или в приходе к власти в Чечне считающегося противником ваххабитов Аслана Масхадова. Критика ваххабизма ведется зачастую безграмотно, с позиций, которые упрощенно можно выразить словами: “сам дурак”. Официальный орган ДУМД — газета “Ассалам”, к примеру, из номера в номер печатает полемические статьи, в которых даже название течения набрано с ошибкой: “вахабизм” (14). Не более грамотными проявляют себя и другие оппоненты ваххабитов. Так, в одном из номеров газеты “Правда-5” была опубликована “разгромная” статья под громким названием “Вахабиты как концептуальная угроза” (15). Здесь в названии движения допущены две ошибки, что у грамотного человека может вызвать лишь недоумение и чувство досады. Дело тут в том, что фанатизм и изоляционизм имеют локальное влияние, но не могут предложить народу созидательные задачи на перспективу. Сегодня, скорее всего, нет ни одной исламской страны, где не было бы

ваххабитов или близких им идейных течений, но ни в одной из них они не заняли центрального места. Даже в Саудовской Аравии, где ваххабизм является официальной идеологией государства, это уже далеко не тот ваххабизм, который проповедовался здесь в XVIII веке. Точно такая же периферийная роль отведена ваххабитам, по всей видимости, и на Северном Кавказе. Последние громкие акты ваххабитов: кровавые столкновения, теракты (справедливости ради надо отметить, что они пока только приписываются им), а также выход в свет книг, подобных наделавшей шуму “Повстанческой армии имама” явно не пополнили ряды сторонников их учения.

Много шума наделало также создание в середине прошлого года в Грозном общественно-политического движения “Исламская нация”, руководителем (“амиром”) которой избран М.Удугов (16). Эта формально фундаменталистская организация имеет вполне определенную политическую цель. Устами Удугова она выражена следующим образом: «Когда я говорю о Дагестане, я подразумеваю и Чечню. Она никогда не отделяла себя от Дагестана и является ее неотъемлемой составной частью» (17). Несомненно то, что выход к Каспийскому морю через объединение с Дагестаном имеет для Ичкерии огромное значение. Однако в Дагестане вряд ли можно будет найти много сторонников построения исламской нации путем объединения с соседней беспокойной республикой, тем более, что почти еженедельно оттуда происходят вылазки, заканчивающиеся похищением людей, грабежами, угоном скота и т.д. Исламские тексты (в первую очередь Коран и хадисы), как известно, всего этого не одобряют.

Итак, при несомненном дестабилизирующем потенциале, который несут в себе распространившиеся на северокавказском регионе ваххабитские идеи, все же не стоит излишне драматизировать сложившуюся ситуацию. Фундаментализм имеет свои возможности роста, которые вовсе не безграничны; по всей видимости, к настоящему моменту он их в основном исчерпал. При условии грамотного и корректного ведения дискуссии со стороны оппонентов, в первую очередь официальных религиозных структур, положение стабилизируется окончательно и ваххабизм займет свое место в структуре северокавказского общества, вобрав в себя людей крайне радикальных взглядов. В этом убеждает опыт Саудовской Аравии, о радикализме и непримиримости ваххабитов которой остались одни воспоминания.

Как мы уже отметили, научная разработка проблемы исламского фундаментализма на Северном Кавказе, в первую очередь такой его формы, как ваххабизм, находится сегодня практически на нулевом уровне. Больше написано о фундаментализме в странах Средней Азии, что позволяет сравнивать его проявления там и на Северном Кавказе. На основании этого материала можно сделать вывод о примерно одинаковой сущности фундаменталистских проявлений в обоих регионах и об одном их источнике. В то же время многие вопросы, имеющие серьезный научный интерес, все еще остаются нерешенными.

Наиболее принципиальный среди них — как же все-таки называть

фундаменталистов, будь они северокавказские или среднеазиатские. В последнее время все чаще раздаются голоса о том, что термин “ваххабиты” применительно к ним якобы некорректен, потому что они сами себя так не называют и протестуют против такого названия (18). Для их обозначения предлагается термин “салафиты” (19). Некоторые ученые вполне серьезно считают, что “термин ваххабиты ввел московский востоковед Милославский” (А.Муминов), другие полагают, что его “ввело КГБ в 70-х годах” (А.Малашенко) (20). Сами фундаменталисты очень любят откешиваться от названия “ваххабизм”, изображая его как “ругательный ярлык, запущенный в обиход российскими спецслужбами”, и именуя себя “истинными мусульманами”.

Однако, во-первых, еще в 1805 году, когда ни КГБ, ни тем более московского востоковеда Милославского и в помине не было, в “Журнале различных предметов словесности” появилась статья, которая называлась “О секте ваабиев, отпадших от магометанства” (21). Кроме того, термин “аль-ваххабийя” прочно утвердился в мусульманском мире; именно этим термином обозначены последователи Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба в трудах таких известных мусульманских ученых, как Ибн ас-Сувайди, Абдуллах Али аль-Касими, Мухаммед Хамид аль-Факи, Мухаммед Рашид Рида и др. Хотя сами последователи Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба как в Саудовской Аравии, так и в других странах исламского мира предпочитают именовать себя не ваххабитами, а “истинными мусульманами”, или “единобожниками” (ахль аль-тавхид или муваххидун) (22), вернувшись к чистоте первоначального ислама, везде они известны как “аль-ваххабийя”, т.е. ваххабиты.

Во-вторых, термин “салафиты” в целом соответствует сути ваххабитского учения. Как уже говорилось, под салафитами понимаются мусульманские религиозные деятели разных периодов истории, которые выступали за возврат к образу жизни и вере ранней мусульманской общины путем отказа от нововведений (бида‘). К ним относятся суннитские имамы-муджтахиды Ибн Ханбал и аш-Шафи‘и, Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб и его последователи и др. (23). Таким образом, термин “салафиты”, хоть и подходит для обозначения северокавказских фундаменталистов, все же является более общим и расплывчатым. Термин же “ваххабиты” несет в себе более конкретное содержание.

В правомочности употребления этого термина по отношению к распространившейся на Северном Кавказе форме исламского фундаментализма нас убеждает сравнение основных положений их проповеди с ваххабитским учением. Стержень этого учения — абсолютное и безусловное единобожие, доводимое до своего логического завершения: поклонения достоин один Аллах (недаром самоназванием ваххабиты выбрали слово “муваххидун”, что означает — единобожники). На основании этого запрещаются культ святых, поклонение святым местам и тесно связанный с ними суфизм. Непозволительным новшеством считается почитание Пророка (24). В свое время ваххабиты даже запретили после его имени произносить эвлогию “да благословит его Аллах и да приветствует” (салл Аллаху ‘aleyхи ва саллам) и отсекали вторую часть исповедания веры из-за

его упоминания (сейчас это уже стало достоянием истории) (25). Наряду с “очищением” ислама проповедуется строгое следование исламским принципам во всем, в том числе и во внешнем облике (ваххабита легко узнать по бородату, но безусому лицу). Неудивительно, что ваххабизм основывается на мазхабе Ибн Ханбалия — самом крайнем из всех четырех суннитских мазхабов.

Фундаменталистская проповедь на Северном Кавказе ведется в строгом соответствии с этими положениями. Формально провозглашая принцип “ислам би ла мазахиб”, т.е. ислам без мазхабов, фундаменталисты, пытаясь привлечь на свою сторону больше людей, ведут проповедь в рамках тех мазхабов, которые утвердились в данной местности, но в конечном итоге элементы ханбализма все же перевешивают (26). Значительный успех фундаментализма в районах распространения более изоляционистского, а также идейно и ритуально близкого к ханбализму шафиитского мазхаба при более чем скромных достижениях в области бытования самого либерального ханафитского мазхаба наглядно иллюстрирует это положение. Шафииту легче воспринимать фундаменталистские идеи в форме ваххабизма, нежели ханафиту.

Итак, все сомнения насчет применимости термина “ваххабизм” в отношении распространившихся на Северном Кавказе фундаменталистских идей следует признать несостоятельными. Несмотря на то, что он действительно не является самоназванием ваххабитов, термин этот является устоявшимся наименованием определенного религиозно-политического движения, характеризующегося своим набором признаков, не только в отечественной, но и зарубежной литературе, в том числе, что немаловажно, и в арабо-мусульманской. По наблюдаемому набору признаков северокавказские фундаменталисты легко определяются как ваххабиты, и, следовательно, нет никакой нужды отказываться от этого устоявшегося термина и заниматься сочинением каких-то других.

Ваххабиты на Северном Кавказе безусловно несут определенный дестабилизирующий заряд в силу не только экстремистского характера своего учения, но также и в силу сложившейся там в последние годы сложной экономической и политической ситуации. Массовый приток неофитов в ваххабитскую общину произошел в самых неблагоприятных уголках Северного Кавказа — Чечне и Дагестане. Ваххабиты очень легко могут стать разменной картой в политической игре как на Северном Кавказе, так и на всем пространстве бывшего СССР, которую не прочь разыграть самые различные силы. В частности, ставку на ваххабитов делают многие политики Чеченской республики. 20 декабря 1997 года состоялось подписание договора о сотрудничестве между “Армией генерала Дудаева”, которую представлял Салман Радуев и “Вооруженными силами исламских джамаатов Дагестана”, являющимися военным крылом дагестанских ваххабитов. Целью этого военного союза объявлено “освобождение Дагестана от русских оккупантов” (27).

Неизученность вопроса, к сожалению, не позволяет нам в рамках

этой статьи рассмотреть вопрос об организационном строении ваххабитской общины на Северном Кавказе. Известно лишь о том, что это движение вовсе не однородно и монолитно, как это может показаться с первого раза. Среди ваххабитов есть свои “крайние”, возглавляемые имамом Аюбом (располагается в Астрахани), свой “центр”, возглавляемый лидером дагестанских ваххабитов Багаутдином, а также “умеренное крыло”, возглавлявшееся до недавнего времени Ахмадкади Ахтаевым (в марте 1998 г. он скончался) (28). Выше уже упоминалось военное крыло ваххабитов Дагестана; по всей видимости, в той или иной мере вооружено большинство ваххабитов Северо-Восточного Кавказа. Этого пока нельзя утверждать относительно ваххабитов Северо-Западного Кавказа, т.к. сведения о них совершенно скудны и весьма противоречивы.

Проблема ваххабизма требует крайне осторожного подхода. С ним (как с религиозным течением) не только невозможно, но и ни в коем случае нельзя бороться путем запретов и репрессий. Однако в руках государства есть важнейшие рычаги, умелое использование которых могло бы позволить сузить социальную базу фундаментализма. В первую очередь — стимулирование экономического развития региона. Северный Кавказ окрасился в красные и зеленые тона не по причине своей реакционности, а вследствие недальновидной политики центра, доведшей этот стратегически важный регион до нищенского существования. Живущий в благополучии человек никогда не возьмется за автомат добровольно. Если вернуть Северному Кавказу былое его благополучие, то можно будет надеяться, что здесь наконец-то утвердятся долгожданный мир и спокойствие.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке, предоставленной в рамках конкурса индивидуальных исследовательских проектов Программы по глобальной безопасности и устойчивому развитию Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров

* **Ахмет Ярлыкапов** является аспирантом Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук.

1. Чанышев А.Н. Фундаментализм // Советская историческая энциклопедия. Т.15. М.,1974.- стлб.462.
2. Бельский А., Рашковский Е. Россия и Индия: сопоставление фундаменталистских вызовов // Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. М.,1997. №1 (55).- с.35-47; №2 (56).- с.45.
3. Ланда Р.Г. Исламский фундаментализм // Вопросы истории. 1993. №1.- с.32.
4. Тауфик Камель Ибрагим, Сагадеев А.С. ас-Салафия // Ислам. Энциклопедический словарь. М.,1991.- с.204.
5. Ермаков Д.В. ал-Ханабила // Ислам. Энциклопедический

- словарь. М.,1991.- с.271.
6. Бобровников В.О. Ислам и советское наследие в колхозах Северо-Западного Дагестана // Этнографическое обозрение. 1997. №5.- с.138.
 7. Бобровников В.О. Ислам и советское наследие в колхозах Северо-Западного Дагестана // Этнографическое обозрение. 1997. №5.- с.141.
 8. Кудрявцев А.В. Ислам и государство в Чеченской республике // Восток=Oriens. 1994. №3.- с.64-71.
 9. Язькова А. Потеряет ли Россия южные рубежи? На Северном Кавказе меняется расстановка политических сил // Известия. 22.01.1998.
 10. Гритчин Н. Кавказ все больше тлеет джихадом // Известия. 21.04.1998.
 11. “Чтобы мечети были центром не только богоугодных дел, но и нравственного воспитания [Интервью с зам. Председателя Правительства РД С.Д.Амировым] // Дагестанская правда. №253 (21597). 18.12.1996.
 12. Кисриев Э. Столкновение в селении Чабанмахи // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. №2 (13). Май 1997 г.- с.28-31.
 13. “Чтобы мечети были центром не только богоугодных дел, но и нравственного воспитания [Интервью с зам. Председателя Правительства РД С.Д.Амировым] // Дагестанская правда. №253 (21597). 18.12.1996.
 14. “О вахабизме” // Ассалам. №11 (50). Рабиуль-аввал 1418 — июль 1997 г.
 15. Суриков А., Баранов А. Вахаббиты как концептуальная угроза // Правда-5. 5.02.1998.
 16. Мурклинская Г. Криминальный фактор в дагестанской и региональной политике // Демократический выбор [Газета объединенных демократов]. №4 (80). 29.01.1998; Ротарь И. Независимый Дагестан жизненно важен для Чечни. Роль экспортера “исламской революции” отведена салафитам // Независимая газета. №23 (1594). 12.02.1998.
 17. Идрисов М. Мовлади Удугов: “Когда я говорю о Дагестане, я подразумеваю и Чечню” // Путь ислама. №6-7 (32-33). Июль 1997 г.
 18. Максаков И., Сергеев Д. Соотношение исламских движений Дагестана // НГ-Религии. №3 (14). Март 1998 г.; Ротарь И. Организаторы теракта в Буйнакске обещают продолжить войну. Джихад в Дагестане поддерживают так называемые салафиты // Независимая газета. №13 (1584). 29.01.1998.; Ротарь И. Независимый Дагестан жизненно важен для Чечни. Роль экспортера “исламской революции” отведена салафитам // Независимая газета. №23 (1594). 12.02.1998.
 19. Ротарь И. Независимый Дагестан жизненно важен для Чечни. Роль экспортера “исламской революции” отведена салафитам // Независимая газета. №23 (1594). 12.02.1998.
 20. Джумаев А. Центральная Азия: религия и общество — тема очередного семинара Фонда “Сорос — Кыргызстан” // Центральная Азия. 1997. №6 (12).- с.14.
 21. О секте ваабиев, отпадших от магометанства // Журнал различных предметов словесности. 1805. Т.2. №1.- с.18-34;

- №2.- с.24-44.
22. Къзыксан Т. Some Reflections on the Wahhъbiya and the Sanusiya Movements // Тъгk Tarih Kurumu. Belleten. Ankara, 1997. Т. LXI. №231.- с.321.
 23. Тауфик Камель Ибрагим, Сагадеев А.С. ас-Салафийа // Ислам. Энциклопедический словарь. М.,1991.- с.204.
 24. Васильев А.М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45 — 1818). М.: Наука,1967, с. 101-104.
 25. Хрестоматия по исламу. М.,1994, с. 106.
 26. Максаков И., Сергеев Д. Соотношение исламских движений Дагестана // НГ-Религии. №3 (14). Март 1998 г., с. 16.
 27. Ротарь И. Независимый Дагестан жизненно важен для Чечни. Роль экспортера “исламской революции” отведена салафитам // Независимая газета. №23 (1594). 12.02.1998.
 28. Максаков И., Сергеев Д. Соотношение исламских движений Дагестана // НГ-Религии. №3 (14). Март 1998 г.

Back to [index](#)